vuzovskom prepodavanii [Difficulties, Mistakes and Search for Right Ways of Theological Education in Universities] // *Studia Humanitatis*. 2016. No. 1 URL: <http://st-hum.ru/content/efimov-ef-nikolskiy-ev-trudnosti-oshibki-i-poiski-putey-religiovedcheskogo-prosveshcheniya-v> (04.05.2018). [In Russ.].

4. Kulemzin A. M., Nasonov A. A., Rodionova D. D. Religiovedcheskoe obrazovanie v vuze kul'tury i iskusstv: istoriya i sovremennost' v sociokul'tur-nom izmenenii [Theological Education in an University of Culture and Arts: History and Modernity in Social and Cultural Dimension] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2012. No. 19. Pp. 62–68. [In Russ.].

5. Rodionova D. D., Nasonov A. A. Setevoe vzaimodejstvie vuzov kul'tury, muzeev i religioznyh organizacij v ramkah profil'noj podgotovki muzeologov [Network Communication between Universities of

Culture, Museums and Religious Organizations within the Frames of Museum Specialists Training] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2017. No. 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26357> (08.05.2018). [In Russ.].

6. Rodionova D. D., Nasonov A. A. Sovremennaja professional'naja podgotovka muzejnogo specialist [A Today's Museum Specialists Training] // *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad]. 2015. No. 3. Pp. 142–146. [In Russ.].

7. Tihonov V. V. Praktika restavratsii i ispol'zovaniya Kazanskoj privratnoj cerkvi Ilimskogo ostroga v muzee «Tal'cy» [Restoration Works and the Kazan Gate Church, Fort Ilim, in Architectural and Historical Museum «Talzy»] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. 2015. No. 3. Pp. 47–50. [In Russ.].

УДК [130.2(4/5):069]:161.14
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-88-91

О. С. Сапанжа, доктор культурологии, доцент
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
sapanzha@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНЦЕПТ И МУЗЕЙНАЯ ПАРАДИГМА В ДИСКУРСЕ НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи понятий, важных для определения границ и стратегий развития современного музейного пространства: «евразийский концепт», «музейная парадигма» и «дискурс наследия». На основе изучения практики использования термина в современном научном и массовом дискурсе выводится определение евразийского концепта как сложного образования, включающего политический, экономический и культурный сегменты разной степени интенсивности и идеологической окрашенности.

Ключевые слова: евразийский концепт, музей, музейное пространство, музейная парадигма, наследие, культурное и природное наследие, культурные индустрии.

Исходным тезисом статьи может служить утверждение, что евразийство как актуальная культурная парадигма сегодня оказывает значительное влияние на динамику культурных институций, в том числе, музея. Однако сам предложенный термин «евразийский концепт» нуждается в пояснении.

Актуализация евразийского концепта, произошедшая в XXI веке, стала реакцией не просто на усиление глобализационных процессов, ставших важнейшим мотором XX века, а, скорее, их реальную констатацию. Как только явление стало слишком очевидно, его попытались перевести на уровень серьезного научного дискурса.

Исследуя границы глобализации, американский политолог Стэнли Хоффман выделил три модели: экономическую глобализацию, культурную глобализацию и политическую глобализацию [1]. Понятно, что сама природа глобализации предполагает, что все три составляющие находятся в единстве и образуют «глобализацию глобализаций», но их теоретическое

разделение вполне продуктивно, когда речь заходит о евразийстве как альтернативе глобализации, так как его тоже уместно рассматривать в совокупности тех же трех моделей: политической, экономической и культурной как антитезе глобализации.

Интересную трактовку концепта «евразийство» с его делением на идеологический и практический компоненты предлагает И. П. Кавинова, в частности, отмечая, что евразийская мысль в России представлена двумя философско-идеологическими «временными контекстами» и одним «практическим». Временные вехи – это, собственно, возникновение евразийства в 1921 году, а затем – возрождение идей евразийства в конце 1980-х – начале 1990-х гг. «Практический контекст» евразийства – это процесс евразийской экономической интеграции (ЕАЭС), которая хотя и содержит идеологическую составляющую, все же, в первую очередь, подчинена составляющей экономической, которая признается доминирующей [2, с. 144]. И если современное евразийство

как идеологический концепт связан с созданием концепции глобального противостояния западной цивилизации с ее мифологемами, то практическое евразийство, скорее, «выступает как реальная альтернатива глобализации со стиранием самобытной идентичности народов и потерей ими исторических корней» [2, с. 151].

Предложенная концепция демонстрирует, почему вполне реальным является парадоксальный факт усиления глобализации посредством практического евразийства, которое «продвигает центральноазиатские страны в сторону Европы, в то время как Россию – в Азию» [3, с. 117].

Все это приводит к тому, что само понятие «евразийство» понимается как многослойное. В рамках словоупотребления, можно отметить три уровня использования термина «евразийство»: онимическое употребление в исходном смысле как направления философской мысли и общественного движения, онимическое употребление в более широком смысле в совокупности экономической, политической и культурной составляющей и, наконец, деривационное, контекстное употребление, размывающее границы самого термина максимально широко и географически, и культурно.

Говоря о «евразийском концепте», мы имеем дело со сложным образованием, включающем политический, экономический и культурный сегменты разной степени интенсивности и идеологической окрашенности. Каждый из предложенных уровней можно обнаружить в динамике современного музейной пространства: от идеи создания музея евразийства (первого уровня) до широкого понимания функций музея как института, призванного сохранить и актуализировать природное и культурное наследие народов, населяющих пространство евразийского региона. В каждом случае оказывается, что музейная парадигма оказывается связана с евразийским концептом, но наиболее продуктивно его широкое толкование.

В этом смысле музейная парадигма (которая заявлена в статье как вторая составляющая проблемы) по преимуществу связана с деривационным, практическим пониманием евразийства. Отмечая, что сам феномен музея неразрывно связан с западной культурной моделью, порожден ею и затем транслирован в мировых масштабах, стоит отметить и факт активного включения музея в процессы сохранения идентичности в глобальном мире на новых основаниях понимания идентичности не как основы для изоляции, а инструмента диалога и сотрудничества.

Именно такое понимание музейного мира евразийского региона, ориентированного на сохранение и актуализацию наследия народов, его населяющих является ключевым и увязывает в единую схему и «евразийский концепт», и «музейную парадигму» и «дискурс наследия». Отношение к уникальному наследию становится ведущим даже в условиях сложного глобализующегося мира, в котором музей все отчетливее приобретает черты культурной индустрии.

Классическое определение А. Я. Флиера гласит, что культурные индустрии представляют собой производство «непосредственно культурных или в существенной мере культурно отрегулированных феноменов, которое является более или менее массовым по своим объемам и высоко стандартизированным по большинству своих характеристик» [4, с. 304]. Культурные ресурсы, как и любой другой вид ресурса, при соблюдении определенных условий, могут приносить «прибыль», но она никогда не будет поставлена во главу угла при определении стратегических принципов развития. Во главу угла будут поставлены именно моделируемые культурные смыслы.

Отметим, что музей стал объектом внимания в контексте технологий культурных индустрий сравнительно недавно, так как до недавнего времени общим было представление об уникальности, нетипичности музейных собраний и невозможности тиражирования результатов музейной деятельности. Но во второй половине XX – начале XXI века, когда музей стал все активнее включаться в актуальную повестку социального развития, исходным стал тезис о том, что музей можно рассматривать как элемент культурных индустрий, способствующий изменению социальной среды, фиксации и распространению важных культурных смыслов без потери исходного утверждения об уникальности музейных собраний как целостной модели (мира личности, региона, исторического этапа и т. д.). В этом смысле, музейный предмет – не всегда уникальный объект (он вполне может быть продуктом промышленного, массового производства), но музейная коллекция всегда уникальна. На основе этой коллекции, являющейся «родовым» признаком музея, музей и генерирует высказывание.

В рамках рассматриваемого концепта «наследие» именно производство культурных смыслов музеем становится особенно важным. В задачи музеев входит, во-первых, сохранение выявленного культурного и природного наследия, во-вторых – определение новых областей наследий, расширение его границ. Процесс расширения границ наследия стал ключевым в характеристике развития музея как социокультурного института в XX веке, включив области музейной персонологии (мемориальные музеи), музеефикации повседневности (музеи быта, одного класса предметов, повседневной культуры) и т. д. Наконец, в-третьих, важной задачей музея признано право на утверждение границ субъективного музейного высказывания, то есть моделирования культурных смыслов.

Если именно создание новых культурных смыслов, которые включаются в сферу создания культурного пространства в широком смысле, является основой развития культурных индустрий, то стоит признать, что музей последние десятилетия активно вовлекается в эти процессы. Именно такой взгляд на музей представлен в работе К. Хадсона «Влиятельные музеи» еще в 1980-е годы в разделе, посвященном музеям общин, решающим новые задачи новыми средствами [5, с. 75–82].

Наконец, самым важным для понимания границ включения музея в систему культурных индустрий является представление о прямом участии тех или иных институтов в производстве социальных смыслов, обоснованное Дэвидом Хезмондалшем [6]. Храма уникальное и неповторимое, или хотя бы уникальным образом интерпретируя типичное, музей, тем не менее, в способах трансляции исторического знания применяет технологии, позволяющие рассматривать его с позиций развития культурных индустрий. Подобный подход, развитие которого, является основным вектором развития музейного пространства второго десятилетия XXI века, позволяет анализировать музеи в качестве актуального компонента развивающегося культурного пространства, с одной стороны, отвечающего на существующие социальные вызовы, а, с другой стороны, формирующего это пространство, задающего ориентиры его развития [7, с. 44–45].

Таким образом, культурные индустрии, связанные с производством культурных феноменов, позволяют представить процесс создания музейного мира евразийского региона как модель, сочетающую широкий евразийский концепт, современный дискурс наследия и стратегические принципы музейной парадигмы. При подобном понимании евразийский концепт определяет географические границы пространства, наследие которого подвергается музеефикации, музейная парадигма «задает» направления музеефикации и их формы, а дискурс наследия формирует

представление о тех составляющих культурного мира, которые являются важными для понимания истории и современного состояния евразийского пространства.

Список литературы

1. Хоффман С. Столкновение глобализаций // Россия в глобальной политике. Москва, 2003. Т. 1.
2. Кавинова И. П. Евразийство в контексте русской истории и культуры // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 144–151.
3. Калашикова Н. Ю. Научная конференция «Евразийство – Евроскептицизм – Евразийство. Варианты разочарований в европейском пути развития» // Славяноведение. 2017. № 4. С. 111–119.
4. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Культурология. Москва, 2011. С. 302–329.
5. Хадсон К. Влиятельные музеи. Новосибирск, 2001. 194 с.
6. Хезмондалиш Х. Культурные индустрии. Москва, 2014. 453 с.
7. Сапанжа О. С. Технологии культурных индустрий и продвижение концепции музея в городском пространстве (на примере национального музея афроамериканской истории и культуры) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2017. № 3. С. 43–48.

Olga S. Sapanzha, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor
 Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)
 sapanzha@mail.ru

THE CONCEPT OF THE EURASIANISM AND PARADIGM OF A MUSEUM ACTIVITY IN CONTEXT OF THE HERITAGE DISCOURSE

Summary. The article is dedicated to the analysis of the co-relation between the next several concepts that are important for fixing borders and for a strategy of a today's museum activity: *“the concept of the Eurasianism”*, *“the paradigm of a museum activity”*, and *“the discourse of heritage”*.

The concept of the Eurasianism is considered by the author through the lens of political, economic and cultural knowledge. The author of the paper analysis usage traditions of the *“concept of the Eurasianism”* term in scientific and mass communication gives her own version of the definition.

The Eurasian concept has difficult nature, includes political, economic, cultural segments with different level of intensity and ideological color. The broadest variant of understanding of the Eurasianism is considers by the author as related with today's museum paradigm focused on search, preservation and development of the Eurasian-based nations' cultural heritage in peculiar form of a museum speech. In these terms, a museum is found involved in space of today's cultural industries, and, on the one

hand, that is a marker of globalization processes, but on the other hand, that is a channel for transfer of museum meanings, etc. The author notes that a museum actively came into social development agenda at the second half of 20th and at the beginning of the 21st centuries; in relation with this, a museum can be considered as an element of cultural industries that help to change social environment, to fix and to extend important cultural meanings without losing original thesis about a uniqueness of museum collections regarded as complete models (of a personality's world, of regional world, of historical epoch, etc.). These collections indicate a museum generic feature, they form a basis for a museum speech. So, cultural industries related with generation of cultural phenomenon let to represent the process of the Eurasian museum world creation in a form of a model that combines broad variant of Eurasian concept understanding, today's heritage discourse, and strategical principles of museum paradigm.

Keywords: *Eurasian concept, museum, museum space, museum paradigm, heritage, cultural and natural heritage, cultural industries.*

References

1. Hoffman S. Stolknovenie globalizacij [The Clash of Globalization] // Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Policy]. Moscow, 2003. Vol. 1. No inf. [In Russ.].
2. Kavinova I. P. Evraziystvo v kontekste russkoj istorii i kul'tury [The Eurasianism within the context of Russian History and Culture] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2016. Vol. 86. No. 2. Pp. 144–151. [In Russ.].
3. Kalashnikova N. Yu. Nauchnaya konfertseniya «Evraziystvo-Evroskptsizm- Evraziystvo. Varianty razocharovanii v evropeiskom puti razvitiya» [“Eurasianism – EU-skepticism – Eurasianism. Disappointments in the European Way”, Academic Conference] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2017. No. 4. Pp. 111–119. [In Russ.].
4. Flier A. Ya. Kul'turnye industrii v istorii i sovremennosti: tipy i tekhnologii [Cultural Industries in History and in Modernity: Types and Technologies] // Kul'turologiya [Cultural Studies]. 2011. Moscow, 2011. Pp. 302–329. [In Russ.].
5. Hudson K. Vliyat'nye muzei [Museums of Influence]. Novosibirsk, 2001. 194 p. [In Russ.].
6. Hesmondalsh H. Kul'turnye industrii [Cultural Industries]. Moscow, 2014. 453 p. [In Russ.].
7. Sapanzha O. S. Tekhnologii kul'turnykh industrii i prodvizhenie kontseptsii muzeya v gorodskom prostranstve [Cultural Industries Technologies and Promotion of a Museum Concept into the Urban Space] // Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya «Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya» [The Bulletin of the Ammosov North-East Federal University. Series “Economics. Sociology. Cultural Science”]. 2017. No. 3. Pp. 43–48. [In Russ.].

УДК 719.3:726.71/.74(571.54)

DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-91-97

И. С. Цыремпилова, доктор исторических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Улан-Удэ, Россия)
irina161073@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт сохранения и использования, а также современное состояние памятников культовой архитектуры Бурятии. Эти вопросы рассматриваются на примере православных монастырей и церквей, являющихся объектами культурного наследия федерального значения: Посольского Спасо-Преображенского монастыря, ансамбля Свято-Селенгинского Троицкого монастыря, Свято-Одигитриевского собора г. Улан-Удэ, собора Святой Троицы г. Кяхта, церкви Воскресения Христова г. Кяхта.

Ключевые слова: культурное наследие, русская православная церковь, монастырь, собор, церковь, реставрация, музеефикация.

В современных условиях актуализация проблемы сохранения и использования культурного наследия обусловлена как экономическими интересами заинтересованных сторон, так и высокой степенью социальной значимости. Принятие Федерального Закона РФ от 30 ноября 2010 г. №327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» и его реализация вызвали противоречивую общественную реакцию. Некоторые средства массовой информации стали заявлять даже о «реституции церковного имущества», что не соответствует прописанным в законе юридическим нормам. В связи с этим необходима комплексная реконструкция исторического опыта взаимоотношений государства и религиозных институтов, особенно в советский период, для применения взвешенного подхода к этому достаточно сложному вопросу.

Эти вопросы имеют значимость и для Республики Бурятия, которая представляет собой уникальную

территорию, богатую объектами культурного и природного наследия. Так, этнокультурное явление старообрядцев (семейских) Забайкалья Тарбагатайского района Республики Бурятия было провозглашено ЮНЕСКО «Шедевром устного и нематериального наследия человечества» (2001 г.). Включение озера Байкал в список Участков Всемирного наследия (1996 г.) является фактом признания исключительной ценности самого озера и прилегающих к нему территорий, которые рассматриваются не только как геолого-географический водосборный регион, но и как уникальное культурное пространство. Уникальность и своеобразие Бурятии обусловлены также ее полиэтничностью и многоконфессиональностью, что привело к синтезу разнородных традиций и укладов, особым формам мультикультурного взаимодействия, от которых напрямую зависит устойчивое развитие общества.

В дореволюционный период на территории Бурятии были представлены все основные религиозные конфессии. Так, согласно данным на 1922 г.